М.А. КЛУПТ,
ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, РОССИЯ)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА XXI ВЕКА: ТЕОРИИ И РЕАЛИИ*

Рассматривается возможное развитие демографической теории на основе концепции многообразия современности (multiple modernities), которая объясняет причины возникновения синкретических феноменов, характерных для демографического развития в наступившем столетии. Критически оценивается опыт применения теории второго демографического перехода в исследовании процессов формирования семьи в незападных обществах. Анализируется концепция третьего демографического перехода, раскрывается его роль как процесса, исключающего всеобщность второго демографического перехода даже в эпицентре – глобальных городах. Сделан вывод: парадигма многообразия современности создает более широкую теоретико-методологическую основу для исследования демографических проблем России, чем теории перехода.

The possible development of demographic theory is considered on the basis of the conception of multiple modernities that explains the reasons for emerging syncretic phenomena peculiar for the demographic development in XXI c. The experience of applying the theory of the second demographic transition in researching the processes of the family formation in non-Western societies is given a critical estimation to. The conception of the third demographic transition is given analysis to, its role as a process excluding the totality of the second demographic transition even in the epicenter – in global cities is explicated. The author makes a conclusion that the paradigm of multiple modernities creates a wider theoretic and methodological basis for researching the demographic problems in Russia than the transition theories.

Демографическая теория всегда представляла собой проекцию определенных социологических идей. Так, «классическая» теория демографического перехода складывалась под влиянием функционализма и концепций, отождествлявших модернизацию с вестернизацией, а теория второго демографического перехода тесно связана с идеей постмодерна. В начале XXI ст. тренды развития социологической и демографической теории начали, однако, заметно расходиться.

В социологии все большую популярность приобретает концепция многообразия современности (multiple modernities), разработка которой связана с именами Ш. Айзенштадта[1], Б. Виттрока[2], Н. Музелиса[3], тогда как однолинейные и «западоцентристские» концепции конца истории, демократического транзита и т. п. отступают на второй план. В основном русле демографической теории развитие по-прежнему отображается как последовательность переходов. Вслед за «классической» теорией демографического перехода, сформировавшейся в середине прошлого века, были разработаны концепции второго[4], а совсем недавно и третьего[5] демографических переходов. Выделить основной процесс, его начальное и конечное состояния и трактовать развитие как переход от одного всеобщего состояния к другому, столь же всеобщему, – таков подход, лежащий в основе названных демографических концепций.

Есть ли, однако, в демографическом развитии нечто, отличающее его от других социальных изменений и требующее теоретического отражения именно как последовательность переходов? Отвечает ли такое отражение реалиям наступившего столетия? Не является ли «многообразие современности» парадигмой, способной охватить более широкий круг демографических и связанных с ними проблем, чем теории перехода? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Изменения в формировании семьи: теория второго демографического перехода

В семидесятые годы прошлого века в Западной Европе начались изменения в характере формирования семьи: распространение добрачных и внебрачных союзов, рост внебрачной рождаемости, увеличение возраста вступления в брак. Эти изменения и лежащие в их основе социально-экономические условия и мотивационные сдвиги были названы Д. Ван де Каа и

---

* Публикуется по: Социол. исслед. 2010. № 8. С. 60–71.

Р. Лестагом вторым демографическим переходом, суть которого заключается в сдвиге от «материалистических» ценностей (стабильный доход, исправно функционирующее социальное обеспечение, политическая стабильность, закон и порядок) к «постматериалистическим» – «укорененной снизу» (grass rooted) демократии, заботе об окружающей среде, свободе слова, эмансипации, новым политическим идеям. «Растущие доходы, экономическая и политическая безопасность, которые демократические государства всеобщего благосостояния обеспечивают своим гражданам, – полагает Д. Ван де Каа, – способствовали началу “бесшумной революции”, сдвигу в направлении “масловианского постматериализма”, при котором сексуальные предпочтения индивида воспринимаются как данность, а принятие решения о внебрачном сожительстве, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности в большинстве случаев оставляется на усмотрение индивидов или пар, которых это касается»[6].

С началом перехода к рыночной экономике стран, входивших ранее в СССР или в советский военно-политический блок, также начались изменения в формировании семьи, сходные с северо- и западноевропейскими. В какой мере подобные проявления были вызваны трансформационным шоком, а в какой – триумфом «постматериалистических» ценностей – отдельный вопрос. Отметим лишь, что парадигма демократического транзита находилась в тот период на гребне моды и это, несомненно, способствовало популярности теории второго демографического перехода, политически корреспондировавшей с вхождением стран распавшегося советского блока в Европейский Союз. Некоторое время спустя появились также работы азиатских исследователей[7] в которых обычно в вопросительной тональности обсуждался вопрос о начале второго демографического перехода в странах-лидерах азиатской модернизации. Попытка объяснить демографические изменения, происходящие за пределами Запада, используя теорию, созданную для скандинавских и западноевропейских реалий, была, вероятно, исторически неизбежной. Однако с позиций сегодняшнего дня уже можно оценить некоторые ее результаты.

Теория второго демографического перехода, во всяком случае в ее первоначальной версии, представляла собой внутренне целостное научное построение, отражавшее столь же целостный социально-исторический феномен. В его описании не случайно присутствовали «демократические государства всеобщего благосостояния», «укорененная снизу демократия» и «постматериалистические ценности». Речь шла не просто об изменениях значений демографических показателей (в этом случае вместо теории имел бы место комментарий к статистическому сборнику), а о сдвигах в системе ценностей, порожденных определенной социально-экономической средой и породивших новые паттерны демографического поведения.

Подобная целостность теории и объекта, отражаемого ею, затрудняла ее использование для объяснения изменений, происходящих за пределами западных стран. Как быть, например, в ситуации, когда в стране не существует ни «укорененной снизу» демократии, ни государства всеобщего благосостояния, большинство населения руководствуется в своем поведении отнюдь не «постматериалистическими» ценностями, а изменения демографических показателей все равно имеют нечто общее с тем, что происходит на Западе? Выход был найден в замене первоначального определения понятия “второй демографический переход” иным, более широким.

В работах С.В. Захарова используются, например, несколько не совпадающих по объему определений второго демографического перехода. «В своем демографическом поведении, – предполагает он, – человек будет руководствоваться, вероятнее всего, нематериалистическими ценностями, “настраивая” индивидуальный календарь демографических событий на изменение конкретных и многообразных жизненных обстоятельств»[8]. «Второй

демографический переход, – по мнению Захарова, – связан с не менее фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека, чем первый переход: еще более расширяется свобода выбора брачного партнера и форм совместной жизни, еще более ответственным становится подход к последствиям сексуальных отношений, чему соответствует более высокая, чем прежде, эффективность планирования сроков появления потомства»[9].

Ни в одном из этих определений не упоминается «демократическое государство всеобщего благосостояния», а во втором не говорится уже и о «нематериалистических» ценностях. Руководствуясь этим определением и трактовкой свободы как «осознанной необходимости», ко второму демографическому переходу можно отнести и демографические процессы, происходящие в настоящее время в КНР, и осознанное ограничение рождаемости по причине экономических трудностей, практикуемое сегодня мужчинами и женщинами едва ли не по всему миру. В еще более поздней работе Захарова речь идет уже просто об «эволюции рождаемости в развитых странах, называемой вторым демографическим переходом»[10].

Аналогичный подход применяется также китайскими и корейскими исследователями, задающимися вопросом о перспективах второго демографического перехода в своих странах[11]. Пересказав, как того требует научная этика, содержание работ Д. Ван де Каа и Р. Лестага, они затем «забывают» и о «демократических государствах всеобщего благосостояния», и о «сдвиге в направлении “масловианского постматериализма”». От теории второго демографического перехода в этом случае также остается лишь бренд, за которым скрывается уже новое содержание.

Неявное расширение понятия второго демографического перехода в работах авторов, исследующих современные демографические процессы за пределами Запада, на мой взгляд, не случайно и свидетельствует о необходимости более широкой концепции изменений в сфере формирования семьи. Причины, по которым эта потребность не называется, требуют, вероятно, отдельного анализа. Скорее всего, наблюдается нечто подобное QWERTY-эффекту: отказ от привычного бренда связан со слишком большими трудностями, в силу чего замена его пусть и на лучше отражающий суть дела представляется нецелесообразной.

Изменения в формировании семьи: концепции многообразия

Обратимся с этой целью к «неевропейской концептуализации современности», предложенной Н. Музелисом. Отталкиваясь от знаменитой парсонианской схемы AGIL (адаптация, целедостижение, интеграция, сохранение латентного образца)[12], Музелис подчеркивает возможность различных вариантов субординации ее составных элементов. Так, модернизации в Китае, Японии и странах Юго-Восточной Азии представляют собой примеры более или менее выраженного доминирования высокоадаптивной экономики и традиций, обеспечивающих интеграцию общества, над либеральными ценностями и демократическим представительством. Возможны и такие варианты модернизации, при которых «сохранение латентного образца» (например, религиозных традиций) подчиняет себе остальные сферы жизни общества (Иран) и т. д. (таблица).

Из концепции Музелиса вытекает, что различные стороны модернизации обладают значительной независимостью друг от друга. Эта концепция отражает специфику незападных модернизаций, роль которых возрастает по мере усиления незападных центров экономического и политического влияния. Рынок, как выясняется в ходе таких модернизаций, вполне может эффективно функционировать и без протестантской этики и демократий западного образца, использование каст в политической борьбе оказывается совместимым с полетами в космос, интенсивное развитие организаций гражданского общества – с высоким уровнем уличной преступности, ядерная энергетика – с теократическим правлением и т. д.

Некоторые типы формирования семьи в развитых странах*

Тип формирования семьи	Страны, образующие ядро типа	В среднем по странам ядра, %	
		суммарный коэффициент рождаемости	доля внебрачных рождений
Северо- и западноевропейский	Бельгия, Великобритания, Франция, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания	1,9	1,9
Южноевропейский	Италия, Греция	1,45	14,4
Европейский постсоциалистический	Болгария, Венгрия, Румыния, Чехия, Словакия	1,39	36,9
Российский	Россия	1,49	26,9
Восточноазиатский (развитые страны)	Япония, Южная Корея, Тайвань	1,19	2,6

Примечание. * 2008 г. или последние имеющиеся данные. Рассчитано по[13].

Если теория второго демографического перехода Ван де Каа и Лестага ставит во главу угла когерентность модернизационных изменений, то неевропейская концептуализация современности Музелиса оставляет исследователю куда больше свободы. Из нее, в частности, следует возможность одновременного существования различных типов семьи, каждый из которых по-своему современен, хотя и опирается на разную ценностную основу и характеризуется различными значениями статистических показателей (см. таблицу).

В странах Северной и Западной Европы увеличение числа внебрачных детей компенсирует снижение численности родившихся в зарегистрированных браках. Это обстоятельство и относительно высокая рождаемость этнических меньшинств привели к тому, что в последние годы уровень рождаемости в ряде стран Северной и Западной Европы начал приближаться к уровню простого воспроизводства. В 2008 г. суммарный коэффициент рождаемости во Франции составил, например, 2, в Норвегии и Великобритании – 1,96, Швеции – 1,91, Дании – 1,89[14]. В результате сложился по-своему уникальный феномен – высокая по меркам развитых стран рождаемость сочетается с ситуацией, когда почти половина детей рождается вне зарегистрированных браков.

Типы формирования семьи, характерные для развитых стран Восточной Азии и Южной Европы, не зависят от щедрости государства всеобщего благосостояния, что характерно для западноевропейских и Скандинавских стран. Это обстоятельство в сочетании с ригидной системой представлений о жизненном предназначении мужчины и женщины, их родительской и супружеской ролях приводит к модели демографического поведения, в чем-то сходной, а в чем-то резко отличающейся от западноевропейской. Реакцией на «постиндустриальные» реалии XXI в., как и в Западной Европе, оказывается повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребенка. Однако внебрачные союзы в такой системе по-прежнему рассматриваются как нечто второсортное, а доля внебрачных рождений в общем числе рождений крайне низка: в 2006 г. в Южной Корее она составляла 1,5 %, Японии – 2,1 %, на Тайване – 4,1 %[15]. В условиях, когда государство всеобщего благосостояния недостаточно развито, ригидная система гендерных ролей вступает в противоречие с профессиональной активностью и экономической самостоятельностью женщин, резко возросшей в последние десятилетия. «Жертвой» такого конфликта становится рождаемость, уровень которой в Корее, Японии и Италии заметно ниже, чем в Западной и Северной Европе.

Европейский «постсоциалистический» тип формирования семьи сложился в результате перехода стран, входивших ранее в СССР или советский блок, к рыночной экономике. С азиатским и южноевропейским этот тип объеди-

няет отсутствие государства всеобщего благосостояния западноевропейского или скандинавского образца. Однако, в отличие от азиатских и южноевропейских обществ, система гендерных ролей в постсоциалистических странах не является ригидной. При постсоциалистическом варианте формирования семьи доля внебрачных рождений велика, однако, в отличие от западноевропейских стран, внебрачные рождения не компенсируют низкий уровень рождаемости в браке. Результатом, как и в предыдущем случае, становится заметно более низкий по сравнению с западно- и североевропейским уровень рождаемости.

Формирование семьи в Китае также имеет определенное сходство с западноевропейскими тенденциями – средний возраст вступления в брак увеличивается, а рождаемость находится на уровне, близком к среднему по Евросоюзу. Однако демографическая политика Китая основывается на статьях 25 и 49 Конституции КНР, в соответствии с которыми государство способствует планированию семьи с тем, чтобы рост населения страны мог соответствовать перспективам ее социального и экономического развития, а супруги обязаны осуществлять планирование рождаемости. Подобный подход к решению проблем народонаселения основан на ценностях, существенно отличных от тех, которые, по мнению создателей теории второго демографического перехода, легли в его основу в Западной и Северной Европе.

Расширительная трактовка понятия «второй демографический переход» для обозначения процессов, отличных от северо- и западноевропейских, приводит к ошибкам трех видов. Во-первых, к смешению процессов, имеющих различную мотивационную основу и различные социальные последствия. Во-вторых, к более или менее явному использованию сходства или различия процессов формирования семьи с западноевропейскими в качестве критерия прогресса или возврата в прошлое. В-третьих, к практическим рекомендациям, не учитывающим особенности «социальных организмов» незападных обществ. Проиллюстрируем это на примере России.

Рассмотрим вначале вариацию уровней внебрачной рождаемости в субъектах Российской Федерации. Если бы распространение внебрачной рождаемости определялось главным образом сдвигом в сторону «постматериалистических» ценностей, то можно было бы ожидать прямой корреляции между уровнем социально-экономического развития региона и долей внебрачных рождений. Однако в действительности такая корреляция является обратной (рис. 1)[16]. Данные по 83 субъектам Российской Федерации за 2008 г. свидетельствуют о тесной отрицательной корреляции доли внебрачных рождений с ожидаемой продолжительностью жизни (r = –0,763) и положительной корреляции с коэффициентом смертности мужчин трудоспособного возраста от внешних причин (r = 0,738)[17]. Ожидаемая продолжительность жизни при этом определяет региональную вариацию доли внебрачных рождений на 58,2 %. Доля внебрачных рождений в Москве и Санкт-Петербурге – городах, где упоминаемый теорией второго демографического перехода сдвиг потребностей в сторону «масловианского постматериализма», казалось бы, должен быть наиболее выраженным, – составляла в 2008 г. 23,6 и 24,9 % соответственно, что ниже, чем в среднем по России (26,9 %)[18].

Из приведенных данных следует, что широкое распространение внебрачной рождаемости в России в немалой степени связано с социальным неблагополучием, индикаторами которого являются низкая продолжительность жизни и высокая смертность мужчин трудоспособного возраста от «внешних», часто алкогольно обусловленных причин. Возможно, играют свою роль и равнодушное отношение части населения северных и восточных районов страны, традиционно служивших местами лишения свободы, к институту зарегистрированного брака, а в ряде субъектов Федерации и национальные традиции. Однако и в том и другом случаях «небрежение» ре-

гистрацией брака имеет мало общего со сдвигом в сторону «постматериалистических» ценностей.

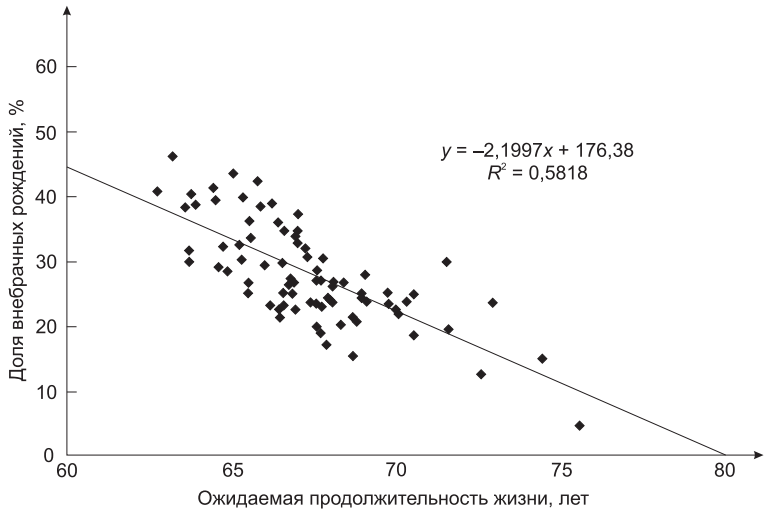

Рис. 1. Доля внебрачных рождений и ожидаемая продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации в 2008 г.

О том, что внебрачная рождаемость в России имеет социально-стратификационную специфику и далеко не всегда связана с переходом к «постматериалистическим ценностям», свидетельствуют и результаты Б. Перлли-Харрис и Т. Джербера[19], полученные на основе индивидуальных биографий. Согласно этим данным, в России более высокая внебрачная рождаемость типична для менее образованных женщин. Это обусловлено тем, что вероятность вступления в брак после внебрачного зачатия у них меньше, чем у женщин с более высоким уровнем образования.

С практической точки зрения различия между рождаемостью в социально и экономически благополучных устойчивых внебрачных союзах скандинавского образца и «вынужденно внебрачной» рождаемостью очевидны. В первом случае пара, образующая союз, не нуждается в поддержке государства, выходящей за рамки помощи обычной благополучной семье, во втором одинокая мать остро нуждается в дополнительной по сравнению с обычной социальной помощи.

Теория второго демографического перехода не учитывает также того обстоятельства, что демографическое поведение значительной части российского населения определяется не столько набором постматериалистических ценностей, составленным когда-то Р. Инглхартом[20], сколько вполне материалистическими соображениями. Судя по результатам обследования Росстата, проведенного в сентябре – октябре 2009 г., 15,3 % опрошенных заявили, что рождение второго ребенка в их семьях было ускорено мерами демографической политики, еще 9,7 % – что без этих мер второй ребенок в их семьях вообще не родился бы. В обоих случаях наблюдается влияние сугубо материального фактора на календарь рождений и итоговое число детей в семье[21].

О значительном влиянии экономических факторов на демографическое поведение россиян свидетельствуют также динамика суммарного коэффициента рождаемости и доля внебрачных рождений в стране (рис. 2)[22]. Период наиболее низкой рождаемости (1990-е гг.) практически совпадает с годами трансформационного кризиса в стране. Начало роста, хотя и очень медленного, суммарных коэффициентов рождаемости также совпадает с переходом от экономического спада к подъему. В этот период темпы роста доли внебрачных рождений заметно замедлились, а затем начали снижаться.

Влияние новой волны мероприятий по экономическому стимулированию рождаемости на динамику суммарного коэффициента рождаемости также вполне очевидно.

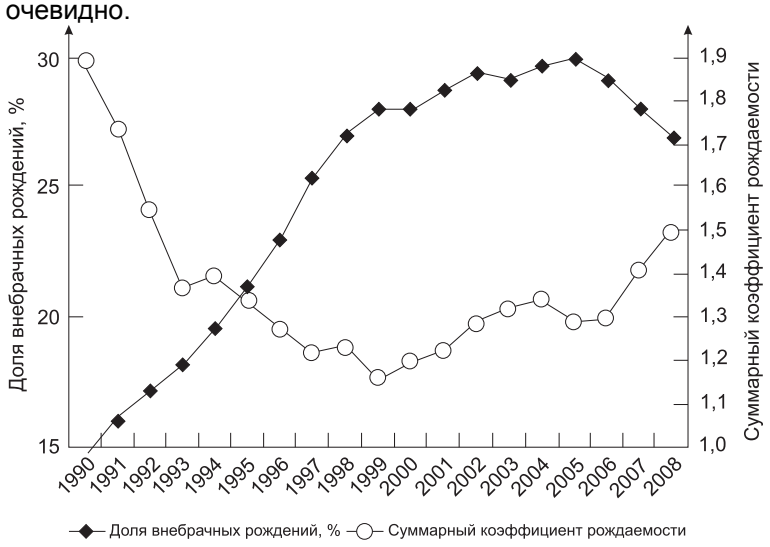

Рис. 2. Динамика доли внебрачных рождений и суммарного коэффициента рождаемости в России в 1990–2008 гг.

На мой взгляд, наблюдаемые в России изменения в характере формирования семьи отнюдь не сводятся к движению в направлении западноевропейских паттернов демографического поведения. Более того, они вообще не являются «переходом» в смысле движения от одной наиболее распространенной модели семьи к другой, также наиболее распространенной. В действительности наблюдаются лишь определенные сдвиги в распространенности тех или иных паттернов демографического поведения и типов семей, при этом каждый из таких паттернов и типов продолжает оставаться социально значимым.

Ввиду этого при проведении социальной и демографической политики неприемлемо заложенное в теорию второго демографического перехода разделение семей на «прогрессивные» – те, что руководствуются «постматериалистическими нонконформистскими ценностями»[23] и обзаводятся ребенком ближе к 30 годам, и все остальные. Можно по-разному относиться к повышению среднего возраста вступления в брак и рождения первого ребенка – оно имеет как свои «плюсы», так и «минусы». Однако при разработке программ помощи семье не стоит забывать, что некоторое повышение этого возраста отнюдь не привело к тому, что в молодых семьях перестали рождаться дети. Так, из 1713,9 тыс. детей, рожденных в России в 2008 г., 707,1 тыс. (41,3 %) родилось у матерей в возрасте до 25 лет[24]. Демографическая политика должна быть дифференцированной, учитывать специфические потребности различных типов домохозяйств, обеспечивать справедливый баланс их интересов, но не становиться дискриминационной, противопоставляющей «правильные» с точки зрения тех или иных идеологов формы семей (домохозяйств) «неправильным».

Международные миграции: третий переход против второго

Известный британский демограф Д. Коулмен, высказав ряд скептических замечаний в адрес теории второго демографического перехода[25], чуть позднее ввел в оборот термин «третий демографический переход», обозначив им процесс, в результате которого в развитых странах с низкой рождаемостью коренное население может стать меньшинством[26]. Хотя, судя по названию, статья Коулмена продолжает теоретическую традицию демографических переходов, она в действительности во многом порывает с ней.

Теоретики первого и второго демографических переходов описывали процесс, вызывавший у них симпатию, Коулмен пишет о том, что его тревожит. Теория второго демографического перехода созвучна господствующим в объединенной Европе политическим веяниям, тематика, рассматриваемая Коулменом, не обладает этим счастливым свойством, в силу чего, как это недвусмысленно показано в его статье, постоянно замалчивается. При первом и втором демографических переходах, по замыслу авторов соответствующих концепций, Запад приходит в менее развитый мир; в результате третьего перехода, напротив, менее развитый мир приходит на Запад. В теориях первого и второго демографических переходов этничность остается за кадром, в концепции Коулмена – выступает на авансцену. Второй переход начинается после завершения первого, отношения между вторым и третьим заметно сложнее. Третий переход происходит одновременно со вторым, ускоряется им и в то же время, отрицая его ценностные основания, гасит надежды на его всеобщность даже в развитом мире.

В работах теоретиков второго демографического перехода практически не рассматривается роль незападных этнических меньшинств в странах Запада. Между тем эти меньшинства, судя по всему, являются фактором, исключающим универсальность второго демографического перехода даже в его средоточии. Глобальные города (Лондон, Париж, Нью-Йорк и др.), концентрируя значительное число молодых профессионалов, строящих жизнь на принципах второго демографического перехода, являются в то же время ареалом этнических меньшинств, культивирующих совсем иные ценности. Около 40 % британских мусульман, например, считали, судя по опросам середины 2000-х гг., что в районах, где они составляют большинство, необходимо введение норм шариата[27]. Поскольку миграция в страны Запада из стран мирового Юга продолжается, а рождаемость среди этнических меньшинств, как правило, обеспечивает расширенное замещение родительского поколения поколением детей, численность жителей развитых стран, не разделяющих ценности второго демографического перехода, увеличивается.

Речь, подчеркнем, идет не о поверхностных, а о глубинных процессах, опирающихся на фундаментальные основы постиндустриальной экономики. Глобальные города и другие мегаполисы, предлагая значительное число рабочих мест для «креативного класса» и молодых профессионалов, в то же время не могут обойтись без тех, кто будет выполнять тяжелые и малопривлекательные работы. В результате «яппиизация» таких городов идет рука об руку с нарастанием многообразия их этнического состава.

Одновременно, что особенно заметно в США, кристаллизуется третья сила – «белое» население, проживающее вне крупных городов. Исследование Р. Лестага и Л. Нейдерт[28] выявило, например, тесную корреляционную связь между демографическим поведением белых американцев и их голосованием на президентских выборах 2004 г. Судя по результатам этого исследования, победу Дж. Буша-младшего на этих выборах во многом обеспечили белые избиратели, которые как на идейном, так и на поведенческом уровне не принимают ценности второго демографического перехода. В основном это приверженцы американской лютеранской церкви, часто – жители сельской местности, лица с относительно низким уровнем образования и американцы, проживающие на северо-западе страны, юге или на великих равнинах.

Впрочем, несмотря на глубокие различия, у теорий второго и третьего демографических переходов есть и нечто общее. И та и другая, заостряя внимание на действительно важных тенденциях демографического развития, упрощают объект исследования столь сильно, что перестают быть адекватным инструментом социальной (демографической, миграционной и т. д.) политики. Парадигма перехода, понимаемого как движение от одного общего для всех состояния к другому, столь же общему, искусственно превраща-

ет объект исследования из многомерного в одномерный, исключает из рассмотрения множество факторов, без учета которых такая политика невозможна.

Применительно к теории третьего демографического перехода это проявляется уже в используемых статистических концепциях. Континентальная европейская демографическая статистика исходит из того, что потомки иммигрантов в третьем поколении уже ассимилированы и являются коренными жителями. Коулмен вслед за статистикой Великобритании и США отдает предпочтение критерию расового или этнического самоопределения, в соответствии с которым, например, человек, называющий себя при проведении переписи или обследования афроамериканцем (black), учитывается в качестве такового, независимо от того, сколько поколений его предков жили на американской земле. При таком подходе, а также принятии гипотез о более высокой рождаемости выходцев из стран мирового Юга на протяжении всего прогнозного периода и отсутствии этнически смешанных браков коренное население рано или поздно неизбежно становится меньшинством.

Различия в используемых критериях приводят к тому, что выводы Коулмена и, например, его не менее авторитетного французского коллеги Ф. Эрана существенно расходятся. По мнению Эрана, Франция является страной массовой иммиграции, устаревшей и предвзятой, поскольку в настоящее время рост населения Франции на 4/5 определяется его естественным, а не миграционным приростом[29]. Столь же неверным и основанным на стереотипах кажется ему и представление о том, что Францию захлестывает волна нелегальных иммигрантов.

С научной, да и практической точки зрения правомерно использование каждого из названных критериев – они просто отражают различные стороны реальности. Однако использование одного лишь критерия этнического самоопределения чрезмерно упрощает картину. При таком подходе теряются, например, различия между принадлежащими к одному этносу недавними мигрантами, не имеющими гражданства, и американцами (англичанами, французами и т. д.), являющимися гражданами соответствующих стран на протяжении уже нескольких поколений. Вполне очевидно, что их юридический статус и фактическая степень интеграции в жизнь общества весьма различны.

Крайне неоднородной является и объединенная группа «некоренных» жителей развитого мира, по существу конструируемая теорией Коулмена. Последняя включает в себя этносы, культурные и религиозные различия между которыми во многих случаях не менее сильны, чем между каждой из них и «коренными» жителями. Реальность XXI в. состоит в том, что этнически многообразные колониальные империи прошлых столетий парадоксальным образом воспроизводят себя на территории бывших метрополий. Еще большую сложность процессу придают многочисленные китайские общины. Население этнически однородных когда-то стран во все большей степени превращается в конгломерат этносоциальных групп, существенно отличающихся друг от друга по характеру участия в политической и экономической жизни и лояльности государству, на территории которого проживает. В складывающихся условиях основной проблемой становится адекватное отражение этого этносоциального многообразия в политике. Однако теория третьего демографического перехода в силу названных особенностей вряд ли может существенно способствовать решению этой задачи.

Россия, например, являясь одним из крупнейших в мире регионов, принимающих международных мигрантов, резко отличается от США, Великобритании и других стран Европейского Союза по ряду параметров. Основной поток международных мигрантов в России – временные мигранты, приезжающие на заработки без своих семейств. За последнее десятилетие доля России в общем объеме переводов, направляемых мигрантами к себе

на родину, выросла с 1 до 6 %, тогда как доля США снизилась с 25 до 10 %[30]. Россия с этой точки зрения сдвигалась, скорее, не в сторону Запада, а в направлении другого крупнейшего принимающего региона мира – нефтедобывающих стран Персидского залива, в экономике которых шире, чем где-либо в современном мире, используется труд временных иностранных рабочих. Международная миграция в Россию – плоть от плоти теневой экономики, вследствие чего эволюционирует и может регулироваться только совместно с нею. В силу преимущественно временного характера миграций и ряда других факторов России удалось пока избежать «феномена парижских предместий» – формирования этнических сообществ, представители которых на протяжении нескольких поколений занимают неблагоприятные позиции на рынке труда. Кроме того, в России, в отличие, например, от Великобритании, где выходцы из стран Британского Содружества оказывают существенное влияние на результаты выборов, международные мигранты практически не участвуют в политической жизни страны.

Ввиду названных причин российская миграционная политика не может быть и в обозримом будущем вряд ли станет «калькой» с западной. Это, разумеется, не исключает общих черт в миграционной политике России и других стран, определяемых хотя бы тем, что Россия является участником ряда международных соглашений по миграции. Многообразие современности, как справедливо отмечает Б. Виттрок[31], отнюдь не исключает наличия у нее некоторых общих для всего мира черт, в частности принимаемых всеми странами обязательств, отделяющих современный мир от средневековья.

Говоря о прогностическом аспекте теорий второго и третьего демографических переходов, не следует забывать о том, что обе они широко используют предположения о сохранении наблюдаемой в настоящее время скорости изменений в будущем. В теории второго перехода это, например, предположение о том, что доли внебрачных рождений будут и далее расти столь же высокими темпами, как в современной Западной Европе. В теории третьего демографического перехода экстраполируются на будущее нынешняя весьма либеральная миграционная политика развитых стран и относительно невысокие темпы образования межэтнических семей.

Подведем итоги. Возникновение теорий перехода обычно происходит в начале крупномасштабных социальных изменений, быстрота и сила которых подобна взрыву. Волны, движущиеся из его эпицентра, быстро распространяются в пространстве, в силу чего теории перехода, независимо от того, идет ли речь о демократическом, демографическом или каком-либо еще транзите, создаются и воспринимаются под сильным эмоциональным воздействием взрывной волны. Теории перехода вызывают в этот период всеобщий интерес, ибо в них можно отыскать и объяснение происходящих изменений, и прогноз их результата.

Однако через какое-то время после начала изменений выясняется, что их универсальность, предрекаемая теориями перехода, иллюзорна. Инновации наталкиваются на сопротивление институциональной среды, обладающей в каждом конкретном случае своими особенностями. Процесс приобретает широкую вариативность, возникают синкретические феномены, не предвиденные теориями перехода и совмещающие то, что «по теории» казалось несовместимым. В результате «шляпа» транзитологии, говоря словами булгаковского литературного персонажа, перестает вмещать не только Россию, но и государства СНГ, Китай, Вьетнам, другие страны.

Концепция многообразия современности представляет собой более широкую основу для объяснения и прогнозирования происходящих изменений, чем теории перехода. Данная концепция отнюдь не блокирует попыток найти некий общий знаменатель «современности», позволяющий отделить ее от того, что современностью не является. В то же время из свойственной этой концепции трактовки современности как арены взаимодействия мно-

жества культурных программ логически вытекает не только возможность, но и неизбежность социальной (экономической, демографической, политической и т. д.) синкретики. Концепция многообразия современностей, в отличие от теорий перехода, не располагает к эффектным утопиям и антиутопиям, будущее представляется ей открытым для разных альтернатив. Она, однако, лучше отражает многообразие мира XXI ст. и в силу этого является более надежной основой для действий, направленных на его улучшение.

[1] См.: Eisenstadt S. Multiple modernities // Daedalus. Winter 2000. Vol. 129. № 1.

[2] См.: Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1. С. 141–159.

[3] См.: Mouzelis N. Modernity: A non-European conceptualization / C. Keyder (ed.). Tradition in Modernity. Southern Europe in Question // Proceedings of the ISA Regional Conference for Southern Europe. Istanbul. June 20–21. 1997. P. 25–44.

[4] См.: Lesthaeghe R., Van de Kaa D.J. Twee demografishe transities // Bevokling Groei in Krimp. Dirk J. Van de Kaa and Ron Lesthaeghe (eds.) Van Loghum Slaterus, Deventer. 1986.

[5] См.: Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии // Миграции и развитие. М., 2007. С. 12–48.

[6] Van de Kaa D.J. Anchored Narratives: the Story and Findings of Half a Centry of Research into the Determinants of Fertility // Populations Studies. 1996. Vol. 50. P. 425.

[7] См.: Atoh M., Kandiah V., Ivanov S. The second demographic transition in Asia. Comparative Analysis and Low Fertility Situation in East South-East Asian Countries // Japanese Journal of Population. 2004. Vol. 2. № 1; Jiang Leiwen. Has China Completed Demographic Transition? www.iussp.org/Bangkok2002/S02Leiwen.pdf; Matsuo H. Is Japan s Second Demographic Transition country? Discussion paper // The Second Demographic Transition in Europe. Bad Herrenalb, Germany, 23–28 June. 2001.

[8] Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Тез. докл. М., 2002. http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html

[9] Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3. С. 124–140.

[10] Zakharov S. Russian Federation: From the first to second demographic transition Demographic Research (электронный журнал). July 2008. Vol. 19, article 24. P. 950. http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/24

[11] См.: Jiang Leiwen. Has China Completed Demographic Transition? www.iussp.org/Bangkok2002/S02Leiwen.pdf; Doo-Sub Kim. Theoretical Explanations of Rapid Fertility Decline in Korea // Japan Journal of Population. 2005. Vol. 3. № 1.

[12] См.: Парсонс Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998.

[13] См.: Society at Glance 2009 – OECD Social Indicators. http://www.oecd.org/document/24/0,3343,en_2649_34637_2671576_1_1_1_1,00.html; http://demoscope.ru/weekly/app/app4013.phpwww.demoscope.ru; 2009 World Population Data Sheet http://www.prb.org/ Publications/Datasheets/2009/2009wpds.aspx; Suzuki T. Fertility Decline and Government Interventions in Eastern Asian Advanced Countries The Japanese Journal of Population. Vol. 7. № 1 (March 2009).

[14] См.: Society at Glance 2009 – OECD Social Indicators. http://www.oecd.org/document/24/0,3343,en_2649_34637_2671576_1_1_1_1,00.html

[15] См.: Suzuki T. Fertility Decline and Government Interventions in Eastern Asian Advanced Countries The Japanese Journal of Population. Vol. 7. № 1 (March 2009). P. 47.

[16] См.: Демографический ежегодник России. 2009: Стат. сб. М., 2009. С. 104, 171–177.

[17] Там же. С. 104, 171.

[18] Там же. С. 171, 172.

[19] См.: Perelli-Harhs B., Gerber T. Non-marital Childbearing in Russia. Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage // MPIDR WP 2009-007, March 2009.

[20] См.: Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, 1977.

[21] См.: Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» / Росстат. http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

[22] См.: Демографический ежегодник России. 2009. С. 95, 170.

[23] Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition in Northern, Western and Southern Europe: An Update // Demographic research (электронный журнал). 2004. Special collection 3, article 3. http://www.demographic-research.org/special/3/3/S3 - 3.pdf

[24] См.: Демографический ежегодник России. 2009. С. 132.

[25] См.: Coleman D. Why we don't have to believe without doubting in the 'Second Demographic Transition' – some agnostic comments // Vienna Yearbook of Population Research. Vienna, 2004.

[26] См.: Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии // Миграции и развитие. М., 2007. С. 12–48.

[27] Там же. С. 37.

[28] См.: Lesthaeghe R., Neidert L. The second Demographic Transition in the U.S.: spatial patterns and correlates. Population Studies Center. Univ. of Michigan. Report 06 – 592, March 2006.

[29] См.: Эран Ф. Пять предвзятых идей об иммиграции во Франции // Население и общество. 2004 (май). № 80.

[30] См.: Migration and the Global Recession. A Report Commissioned by the BBC World Service. Michael Fix, Demetrios G. Papademetriou et al. Migration Policy Institute, September 2009. P. 81. www.migrationpolicy.org/pubs/MPI-BBCreport-Sept09.pdf

[31] См.: Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1. С. 141–159.

Поступила в редакцию 27.01.11.

)